Атрэй Блэквуд

Ужас бездны Эйлин-Мор

Атрэй Блэквуд

Ужас бездны Эйлин-Мор

«Автор»
2026

Блэквуд А.

Ужас бездны Эйлин-Мор / А. Блэквуд — «Автор», 2026

Декабрь 1900 года: восемнадцатилетний Каллум Дукат тайком от матери отправляется помощником смотрителя на Эйлин-Мор — одинокую скалу с маяком к западу от Льюиса, — где его встречают суровый ветеран Макартур, угрюмый молчун Маршалл и дядя Джеймс, который явно что-то не договаривает. Скоро новичок начинает замечать, что на маяке не всё в порядке: из-под воды доносится низкий ритмичный гул, море вокруг скалы становится неестественно гладким, а в старых записях маяка — след чужой тревоги. Чем дольше команда держит свет, тем яснее становится: их служба здесь — не просто работа, и погасить лампу опаснее, чем держать её. Атмосферный мистический хоррор, сшитый с реальной неразгаданной тайной Фланнанских островов, где 26 декабря 1900 года сменная команда нашла маяк пустым.

© Блэквуд А., 2026
© Автор, 2026

Атрэй Блэквуд
Ужас бездны Эйлин-Мор

Глава первая. Прибытие

Лодка шла сквозь туман вслепую. Капитан не смотрел на компас, а вглядывался в серую стену впереди, будто ждал, что мгла расступится. Пелена стояла, словно гипсовая отливка целого мира: та же серость сверху, снизу, слева, справа, и только кильватер за кормой говорил, что время вообще движется, что где-то позади остался берег, порт, люди, всё то, что имеет края и границы.

Каллум сидел на корме, вцепившись в мокрый борт. Декабрь 1900 года. Седьмое число. Он отсчитывал дни не календарём — другим способом: семь дней назад он узнал, что дядю переводят на Эйлин-Мор; пять дней назад — что штатный помощник там слёг, и Служба северных маяков ищет кого угодно, лишь бы руки были здоровы и не боялся высоты; три дня назад он солгал матери, что едет по договору на верфь в Клайде. И вот он здесь — на открытом шлюпе, который нёс его к клочку базальта посреди Атлантики, к западу от Льюиса, туда, где кончается всё, что имеет название.

— Эйлин-Мор, — сказал капитан наконец. Не повернув головы, не повышая голоса — просто констатировал, как отмечают глубину лотом. — Скала там, впереди. Видишь?

Каллум прищурился. Поначалу в тумане не было ничего — и потом вдруг оказалось, что что-то есть всегда, просто глаза отказывались соглашаться. Тёмный силуэт проступал из мглы остро и угловато. Над ним высился белый цилиндр маяка. Словно вертикаль, которую кто-то всадил в горизонт и сказал: «Здесь будет так».

— Семьдесят пять футов до основания, — продолжал капитан, и было непонятно, говорит он для Каллума или для себя. — Свет виден на двадцать миль. Когда горит. — Пауза была на полтакта длиннее, чем требовала фраза. — Считай, повезло. Маяк новый. Строили четыре года. Камень возили баржами. Три человека до тебя ломали себе об неё характеры — и ноль разбитых судов. Официальная статистика, если тебе её подавай.

— А неофициальная? — спросил Каллум.

Капитан не ответил. Он поправил румпель, и лодка кренилась, слушаясь, как послушный ребёнок. Больше он не сказал ни слова до самого подножия скалы.

Волны глухо бились о камни. Звук был такой, будто вода не ударялась, а стучала: деликатно, как постучавший в дверь гость, который знает, что ему не откроют, но постучать обязан. Каллум перешагнул борт, встав на мокрые, обросшие водорослями ступени естественного причала, и холод пробрался под куртку, как будто скала хранила его в себе много лет.

Воздух пах солью, водорослями и затхлостью. Столетней затхлостью. Как будто на этом клочке суши ничего не менялось с тех пор, как Господь отделил твёрдое от жидкого, а люди лишь поставили сверху белый цилиндр и назвали это прогрессом.

На верхней площадке, сложив руки на груди, стоял человек, и лицо его было неподвижным, словно высеченным из той же породы, что и скала под ним.

— Дональд Макартур, — бросил капитан через плечо, уже отвязывая швартов. — Второй помощник. Временно старший, пока Дукат не вернётся с обхода. — Он замолчал, потом добавил тише и как будто нехотя: — Дукат на острове. Увидишь.

Каллум не успел переспросить. Лодка дёрнулась, отлипла от камней, и через минуту остался только звук мотора, но и его туман проглотил так быстро, будто и звука не было. Остров захлопнул за Каллумом дверь.

Человек наверху спустился не спеша. Сорок с чем-то, плечи широкие от тридцати лет лебёдок и вёсел, глаза под тяжёлыми веками привыкли смотреть вдаль и потому на ближнее

смотрели с лёгким усилием, как на помеху. Он остановился в двух шагах, оглядел Каллума с головы до ног — тощий, восемнадцать лет, вещевой мешок — и протянул руку.

— Макартур.

— Каллум Дукат. Иду помощником на замену.

— Знаю. Телеграмма пришла. — Рукопожатие было сухим и коротким. — Росс заболел, ты вместо него. — Макартур помедлил, и что-то в его лице дрогнуло. — Дукат — твой дядя?

— Да.

— Джеймс — хороший был человек. — Прошедшее время прозвучало так спокойно, что Каллум на секунду решил, что ослышался. — Но не выдержал.

— Что значит — не выдержал? Он жив?

— Жив. — Макартур повернулся и пошёл к маяку. — Живой. Пока.

Последнее слово он произнёс без выражения, как произносят «юг» или «четверг». И в этом отсутствии выражения было хуже всего.

Внутри маяк пах солью и старым деревом. Жилая комната смотрителей была круглой, вмурованной в камень: тёмные доски стен, потемневшие от сырости, с потёками, похожими на тёмные пальцы, тянувшиеся сверху вниз; полки, забитые жестяными банками, мотками смолёной верёвки, запасными фитилями; чугунная печка в углу, холодная, с приоткрытой задвижкой. Три койки, застёгнутые ремнями, как гамаки в моргане. Стол, начищенный до тусклого блеска. На стене — барометр и часы, которые тикали с чуть заметным промахом, будто хромали на одну секунду из каждых двадцати.

За одним из столов, разобрав пайки на ящики, сидел большой мужчина. Он обернулся — и на секунду замер так, как замирают оттого, что успели проверить правоту догадки. Потом лицо его раскололось в улыбку — той породы, от которых дрожат стёкла в кухне, — и он поднялся во весь свой немаленький рост.

— Кэл! — Он пересёк комнату в три шага и обнял так, что хрустнули рёбра. Джеймс Дукат пах табаком, смолой и машинным маслом, как всегда. — Значит, правду телеграмма говорила. Росса скрутило, а вместо него — родня.

— Дядя. — Каллум отстранился и посмотрел на него. — Ты... в порядке?

Глаза Джеймса на этот вопрос отреагировали странным образом: проскользнули мимо, в сторону окна, и вернулись.

— Порядок, — сказал он. — Лучший на семи островах. Садись, я тебе табуретку приберёг, чтобы не путалась под ногами.

Третьим в комнате — теперь Каллум сообразил — был ещё один мужчина: лет тридцати, узкоплечий, с вечно прищуренными глазами и лицом человека, который засыпает с трудом и просыпается ещё тяжелее. Он кивнул, не поднимаясь.

— Маршалл, — представил его дядя. — Томас Маршалл. Помощник. Молчун, но в ночи надёжнее будильника. — И тише, в сторону: — Работяга из Арднамюрхана. Считает волны.

Маршалл кивнул ещё раз, поднялся и вышел — без слова, без причины, как выходят, когда в комнате появляется лишний человек и становится на один стул больше, чем гостей.

— Не обижайся, — сказал дядя, глядя ему вслед. — Томас последний месяц как не свой. Говорит — вода не так шумит. — Он пожал плечами, и плечи у него были как гружёная баржа. — Здесь вода шумит так, что и не выговоришь. Привыкнешь.

— Что значит — не так шумит?

— А вот это, — Дукат хлопнул его по плечу, и хлопок был как грузовик, — ты сам расспросишь его. Или сам всё услышишь. Время здесь есть, Кэл. Его здесь больше, чем всего другого вместе взятого.

Первая обязанность — на которую Каллум потратил остаток дня — была лестница. Она вилась винтом внутри стены, и подниматься по ней стоило с постоянной поправкой на наклон: двоим разойтись было нельзя, и в местах, где винт делал виток, ступени стыковались со стеной

так, что голова задевала камень. Ступени были стёрты до блеска, и на каждой — глубокие продольные следы от подошв, будто каждый, кто поднимался здесь, ставил ногу точно в ту же точку, в тот же миллиметр, из поколения в поколение. Каллум поймал себя на том, что его собственные ботинки сами находят эти следы и встают в них.

На стенах через каждые несколько витков висели латунные таблички с инструкциями, выцветшие от солёного воздуха: «Проверка линзы каждые 12 часов». «Смазка шестерён — раз в неделю». «Не допускать попадания влаги в оптику». На последней буквы почти стёрлись, а сама табличка была покрыта зеленоватым налётом: тончайший рисунок, похожий на ветвящуюся корневую систему, которая начиналась у болтов и расходилась по латунной поверхности, как река по дельте.

Наверху находилось помещение светового зала: круглые стены из белого кирпича, купол наверху, круглое окно под куполом, через которое в ясный день можно было разглядеть небо. В центре, на платформе, стояла линза Френеля.

Каллум видел такие на картинках — в лондонских журналах, в рекламных вкладках пароходных компаний. Вблизи она была совсем другой. Не устройством — организмом. Сотня граней, каждая отполирована так, что в ней отражался соседний сегмент, и отражения уходили вглубь, как в бесконечный коридор. Линза стояла на платформе, которая опиралась на кольцевые рельсы с блестящими роликами. Часовой механизм с гирями и тросом, вращавший её, ровно тикал в углу, как сердце человека, который не подозревает, что его слушают.

— Это сердце маяка, — сказал Макартур. Он поднялся следом, незаметно, и стоял теперь в полутёмном углу. — Оно бьётся, если кто-то его держит.

— А если никто не держит?

Макартур не ответил сразу. Потом подошёл, провёл рукой по стеклу — бережно, как по чужому лицу, — и остановился у нижнего сегмента, у самого основания.

— Тогда оно не бьётся, — сказал он. — Но слышно, как оно хочет биться.

Каллум наклонился. Линза была чистой, без единого пятна — кроме одного. На том самом нижнем сегменте, у основания, проступала тонкая полупрозрачная плёнка с едва заметным голубоватым отливом. Что-то среднее между запотевшим стеклом и нефтяным пятном на луже — только пятно не лежало на поверхности, а было как бы изнутри, как будто запотевшее изнутри.

— Что это?

Макартур посмотрел туда, куда он указывал. Лицо его не изменилось, но что-то во взгляде сказало Каллуму, что он видел это и раньше — и не однажды.

— Влага, — ответил он. — Бывает. Здесь всё пропитано влагой.

Он взял рукав собственной куртки и стёр плёнку одним движением, словно это было прощание. Каллум заметил, что после движения Макартур не посмотрел на рукав, не стряхнул остатки — просто опустил руку и оставил её у себя.

— Пойдём вниз, — сказал он. — Скоро темнеть. Зажигаем.

Зажигание было ритуалом. Макартур выверял ход механизма, подтягивал трос, поднимал фитиль — медленно, с теми же движениями, что и всё здесь: без суеты, без ошибки, как человек, который знает, что спешка в этом деле не спасает, а только портит. Свет занялся не сразу — сначала рыжим, как уголь, потом белым, заливший всё помещение. Линза поймала его, и по стенам побежали лучи — длинные, ровные, как пальцы, шарящие по туману.

Первая ночь была тёмной и тихой. Туман снаружи был таким плотным, что свет линзы не пробивался дальше нескольких метров — просто висел в воздухе, как облако, и медленно вращался, скользя по серой стене мглы. Каллум лежал на узкой койке в комнате с низким потолком и слушал.

Сначала — ничего. Тиканье механизма наверху, ровное и спокойное, как пульс. Потом — шаги Макартура, обходившего маяк: вниз, вверх, с интервалом в одиннадцать минут —

Каллум считал нечаянно, просто нечем было заняться. Потом — ветер, который дул сплошным ровным безостановочным потоком, как дыхание чего-то огромного.

А потом — звук.

Каллум не сразу понял, что слышит его. Он был не громче тиканья или отчётливее ветра. Он был где-то под ними, как басовая нота, которую чувствуешь грудью. Низкий, ровный, ритмичный гул. Словно кто-то ударил в огромный барабан — один раз, второй, третий, — и каждый удар отдавался в камне, в стенах, в полу, в зубах. Потом — пауза. Долгая. Потом снова: удары, пауза. Ритм был не похож ни на мотор, ни на насос, ни на волну. Волна бьёт о скалу — и угасает. Эта не угасала. Она возвращалась, ровно, с выдержкой, словно кто-то, кто ждёт ответа и не спешит.

Каллум сел на койке и прислушался. Гул то появлялся, то исчезал, как будто волна, накатывающая и отступающая, только не по морю, а по чему-то другому, что было внутри.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом стоял туман, плотный, как стена. Свет маяка скользил по нему, и в те секунды, когда луч проходил мимо окна, Каллум видел, как туман светится изнутри — белым, мертвенным светом, будто кто-то держал за ним фонарь. Он приложил ладонь к стене. Она едва заметно вибрировала в такт.

Парень отдёрнул руку и стоял так, без движения, пока гул не стих. Потом вернулся на койку и лежал без сна до рассвета, глядя в потолок, по которому ползли тени от вращающегося света.

Утром туман не рассеялся. Он стал гуще, будто за ночь набрал вес и теперь давил на маяк, как подушка.

— Ночью был звук, — сказал Каллум за завтраком.

Дядя не поднял глаз от чашки. Макартур — тоже.

— Какой звук? — спросил наконец дядя.

— Низкий. Гул. Как будто что-то бьёт в барабан. В стене была вибрация.

Макартур поставил кружку. Дядя посмотрел на него — коротко, как переглядываются в присутствии лишнего, — и усмехнулся в усы.

— Море. Тут море делает всякие звуки. Волны бьются о скалу, эхо ходит. Привыкнешь.

Каллум хотел возразить, но что-то в голосе дяди заставило его кивнуть. Макартур быстро посмотрел на него и отвернулся.

После завтрака дядя показал ему всё: как заводить часовой механизм, как проверять линзу, чистить латунь, менять фитили. Объяснял коротко и точно, без лишних слов. Каллум слушал и запоминал, но всё время чувствовал, что ему показывают лишь половину — ту, которая видна. Вторая — та, что в вибрации стен, в гуле, что приходит из-под воды — оставалась за скобками.

Вечером он нашёл вахтенный журнал. Тот лежал на столе в кожаном переплёте, с карандашом, привязанным бечёвкой, и Каллум открыл его с той непрошеной жадностью к чужой жизни, которая отличает людей, приехавших в чужое место. Записи были короткими, аккуратно выведенными одним и тем же почерком:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.